

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Высшее профессиональное образование

В.В.КОЛЕСОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по специальности
«Филология» и направлению подготовки «Филология»

2-е издание, исправленное

Москва
Издательский центр
«Академия»

Филологический
факультет
СПбГУ

2013

УДК 802/809(075.8)
ББК 81.2Рус-2я73
К603

Рецензенты:

кафедра общего языкознания
Московского педагогического государственного университета
(зав. каф. — доктор филологических наук, профессор *И. Г. Добродомов*);
ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
доктор филологических наук *А. А. Бурыкин*

Колесов В. В.

К603 Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / В. В. Колесов. — 2-е изд., испр. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 512 с.

ISBN 978-5-8465-1316-7 (Филол. фак. СПбГУ)

ISBN 978-5-7695-9941-5 (Изд. центр «Академия»)

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 032700 — Филология (квалификация «бакалавр»).

Учебное пособие посвящено описанию последовательных изменений древнерусского (X—XII вв.), общерусского (XIII—XIV вв.) и старорусского (XV—XVII вв.) периодов в истории русского языка, завершившихся созданием современного русского литературного языка. С особым вниманием рассмотрены преобразования грамматических форм и категорий, указаны семантические причины формирования парадигм и категорий, морфологических оснований всех происходивших со времен фонемных изменений; описаны основные синтаксические явления языка в момент развития новых форм коллективного мышления и сложения великорусской ментальности.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть полезно всем, кто интересуется русской историей, культурой и формированием русской ментальности.

УДК 802/809(075.8)
ББК 81.2Рус-2я73

ISBN 978-5-8465-1316-7
(Филол. фак. СПбГУ)
ISBN 978-5-7695-9941-5
(Изд. центр «Академия»)

© Колесов В. В., 2009
© Филологический факультет СПбГУ, 2009
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2009
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2013

ВВЕДЕНИЕ

1. Значение исторической грамматики

Общеобразовательное значение исторической грамматики русского языка заключается в подробном ознакомлении с изменением языковых форм и преобразованием грамматических категорий, определяемых внутрисистемным развитием языка и влиянием на этот процесс развивающихся форм сознания и мышления.

Если в русском языке, в отличие от исторически родственных европейских языков, отсутствуют артикли, в предложении действует свободный порядок слов, в качестве вспомогательного используется глагол *быть*, формально различаются все основные части речи и т. д., — необходимо определить, почему эти и десятки других особенностей русского языка развились и сохранились, отражая специфику ментальной (мыслительной) культуры народа. В общем потоке профессионального образования «Историческая грамматика русского языка» призвана установить систему национальных ценностей, произведенных народом в области «речемышли».

Теоретическое значение курса заключается в постоянном углублении знаний о структуре и функциях языка, данного в его изменениях. История языка, представленная как теория его развития, может быть прослежена на большом отрезке времени, и мы изучаем тысячелетнюю историю *древнерусского* — *старорусского* — *современного* русского языка в последовательном развертывании его категорий и форм.

Постоянное преобразование категорий языка и накопительное умножение языковых форм составляет закон прогресса в развитии человеческого знания, со-знания и по-знания. Сокращение числа гласных и увеличение числа согласных; устранение двойственного числа и максимальное разведение форм единственного и множественного числа; постепенное «угасание» категории среднего рода и максимальное разведение форм мужского и женского рода; упрощение типов склонения или грамматических форм глагола — в чем причины подобных изменений языка, отражающих важные представления человека о мире, небесах и о самом себе? Каковы условия этих изменений и конечная цель их?

На все эти вопросы отвечает история русского языка. Она описывает все аспекты и уровни исторически развивающегося языка, кроме лексики и словообразования, которые, в свою очередь, также дают материал для суждений о структурных и категориальных особенностях языка, в общем виде представленных как *грамматическая система* русского языка.

Термин «историческая грамматика» достался нам по наследству от тех времен научного изучения языка, когда лингвисты ставили перед собой задачу восстановить идеальный тип древнерусского языка. Сегодня термин отчасти устарел и используется по привычке как обозначение традиционного университетского курса, который преподается почти два века.

Последующие пояснения выявят и другие основания, согласно которым наш курс должен сохранять название «Историческая грамматика русского языка». *Историческая* — начиная с древности, *русского* — отталкиваясь от современного русского литературного языка, который сложился в результате описываемых здесь изменений. Грамматика предполагает изучение структурных единиц в их функциях, а термин «язык» указывает на системный характер как самого объекта, так и его изменений.

2. Изучение исторической грамматики

Изучение истории русского языка шло в соответствии с общими направлениями развития научного языкознания.

В начале XIX в. сравнительное изучение родственных языков соединили с историческим изучением классических текстов (А. Х. Востоков, 1781–1864), и к 1870-м гг. в России утвердился первый научный метод — *сравнительно-исторический* (А. А. Потебня, 1835–1891), основной целью которого было уяснение того, «как язык стал» — каким образом возникли те или иные звуки, формы, слова, т. е. преимущественно все, что связано с *формой* в языке и что можно сравнивать по сходству смысла и функции в речи. Сравнительно-исторический метод в качестве основной единицы языка открыл морфему, несущую в себе определенный смысл. Различные научные направления, действуя на основе этого метода, сделали много конкретных открытий, выявили и описали множество исторических фактов и изменений языка, которые чаще всего были представлены как самостоятельно ценные и независимые друг от друга. Например, первое полногласие открыл Востоков, второе — Потебня, третье — Шахматов; первую палатализацию описал Востоков, вторую — Потебня, третью — Бодуэн де Куртенэ. Но в очень слабой степени эти явления исследовались как систем-

но близкие и зависимые от развивающегося языка славян. Особенно много сделали для накопления положительных фактов истории языка академики И. И. Срезневский (1812–1880), И. В. Ягич (1838–1923), А. И. Соболевский (1856–1929) и А. А. Шахматов (1864–1920), а также их ученики. Традиционный курс исторической грамматики сложился во многом благодаря их совместным трудам.

Уже ближайшие их последователи Л. Л. Васильев (1877–1921), Н. Н. Дурново (1876–1937), С. П. Обнорский (1888–1962) и другие стали соединять открытые и описанные, но представленные разрозненно факты исторической грамматики в мотивированные по определенным признакам группы, изучая их действие в связи друг с другом (например, историю фонемы ⟨ѣ⟩ в связи с фонемой ⟨ѓ⟩, историю категории вида в связи с категорией времени и т. д.). Собираание фактов сменилось их истолкованием в системе соответствий (попытка определить «законы языка»). На основе таких исследований в 1920-е гг. русские филологи в России и в эмиграции (Н. С. Трубецкой, 1890–1938; Р. О. Якобсон, 1896–1982) приступили к исследованию исторических изменений русского языка с точки зрения *структурного метода*, для которого важно, «как язык у с т р о е н», т. е. каким образом и в какой последовательности структурируются те или иные минимальные единицы языка (теперь уже не только морфемы, но и фонемы, и различительные признаки — как фонемные, так и семантические). Особое развитие этот метод получил с середины XX в., когда появились работы по «исторической фонологии», «исторической морфологии», «исторической акцентологии» и даже «историческому синтаксису» русского языка. На основе этих описаний, отталкиваясь от них, стало развиваться изучение истории русского *литературного* языка (В. В. Виноградов, 1894–1969; Б. А. Ларин, 1893–1964; Л. П. Якубинский, 1892–1945) как такого, который вобрал в себя все существенные стороны «общерусского языка» в его развитии, представляя как инвариант «русской» языковой системы.

Но тем самым обозначился новый путь в изучении истории русского языка; теперь стало важным определить, «как язык р а б о т а е т», т. е. как система языка действует в природной и социальной среде. Развивается *функциональный метод* исследования русского языка в его преобразованиях, и особенно при изучении динамических тенденций современного русского литературного языка. С 1970-х гг. появляются работы, посвященные исторической стилистике, исторической диалектологии, истории литературных языков и т. д. Идея развития вносится в изучение современного языка.

Большой вклад в эти направления внесли отечественные лингвисты, среди которых Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, К. В. Горшкова, Вал. Вас. Иванов, П. С. Кузнецов, В. М. Марков, Ф. П. Филин, Г. А. Хабургаев и др.

С конца XX в. историческое языкознание вошло в новый этап своего развития в отношении к методу, объекту и целям исследования. Сегодня в центре внимания ученых сохраняются все прежние достижения исторической науки, но основная задача заключается в том, чтобы за восстановленными формами языка, за его организованными структурами и за его постоянно воспроизводящими новые смыслы функциями прозреть носителя этого языка, его создателя — русского человека с присущими ему духовными и ментальными особенностями. Не языковая форма или структура языка каждая по отдельности изучается сегодня, а существенно важные для носителя языка *категории* языка и типы логических суждений; этот — *ментальный (когнитивный)* — метод позволяет собрать воедино все, что уже изучено и известно о происхождении, структуре и развитии важнейших форм и *категорий* языка. Одновременно обозначилось сближение «грамматики» с «лексикой» (грамматические изменения изучаются в определенных лексических группах — «грамматическая лексикология»), и уже невозможно говорить узко об исторической грамматике, потому что поле описания (материал) и размах описания объектов языка расширились; лучше говорить об *истории русского языка* вообще как об интеллектуально-образной силе народа, заложенной в категориях и формах родного языка.

Не «почему» и не «как», а «з а ч е м язык в о о б щ е» — вот вопрос, который в наши дни поставлен перед изучающим историю языка.

Первоначально изучение исторической грамматики велось по канонам заимствованных греческих и (с 1522 г.) латинских грамматик, не во всем полностью отражающих категории русского языка. Еще в XIX в. трудами Г. П. Павского (1787–1863), К. С. Аксакова (1817–1860), Н. П. Некрасова (1828–1913) была намечена линия развития русской грамматики с преимущественным вниманием к предикации, т. е. также к имени прилагательному и т. д. Образцы классических греческих и латинских грамматик стали наводящим средством в выработке собственной системы грамматических средств языка, что в наши дни привело к совпадению *п р е д м е т а* изучения (речи) с *о б ъ е к т о м* (категории языка).

За два столетия произошло невероятное усложнение как предмета описания, так и методов исследования, не говоря уже о целях изучения истории языка. Все они укрупнились, обобщили огромное число достоверно известных фактов и ныне предстают как основной содержательный фонд истории русского языка. Этим объясняется и сложность описания некоторых процессов, и недостаточность некоторых данных, и трудность их интерпретации, почему у разных ученых и возникают различные точки зрения на одни и те же изменения. Чтобы не усложнять изложение, мы не будем рассматривать эти точки зрения в полном виде; с ними можно ознакомиться по указанной к разделам книги литературе.

3. Предмет и объект исторической грамматики

Предметом описания исторической грамматики является *речь*, воплощенная в лингвистических *формах* и представленная в *тексте*. *Объектом* исследования становится *язык*, воплощенный в речевых формах и представленный своими содержательными *категориями*. И *речь*, и *язык* одинаково предъявлены каждый своим содержанием и формами его выражения.

Предметное поле описания дано как явленная сознанию *сущность*, тогда как объектом изучения (*язык*) является сама эта сущность, требующая истолкования. Выделенные в определении термины требуют объяснения.

Речь — конкретное говорение во времени, представленное в звучании или в тексте. *Язык* — абстрактное представление о системе знаков, отражающей мышление и служащей средством общения. *Объект* (от лат. *objectum* ‘предмет’) — существующее вне сознания, *о б ъ е к т и в н о*, явление внешнего мира; в отличие от этого *предмет* — явленное чувству и сознанию конкретное явление, представляющее тот же объект.

Речь — явление, *язык* — сущность этого явления. Термин *явление* — калька с греч. *φαινόμενον* ‘являющееся’ (фено́мен), это проявление сущности в доступных наблюдению формах. *Сущность* же главное внутреннее содержание, составляющее суть явления, например категории языка. В свою очередь, *категория* (от греч. *κατηγορία* ‘обвинение’) есть наиболее общее понятие, отражающее самые существенные свойства языка. Например, категория падежа образует строгую систему всех падежных *форм* в их речевом проявлении. *Форма* в таком случае (от лат. *forma* ‘наружный вид’) — это грамматическое средство выражения грамматической категории.

Описывая различные формы глагола, за многочисленными их речевыми вариантами мы объективируем (т. е. делаем явным) основные его категории, тем самым проникаем в существенную область языка, представляя развитие народной «речемысли» (*ментальности*). Изучая синтаксические конструкции в их развитии, мы сосредоточиваемся на выявлении основных их типов и в результате объективируем сущностные особенности (законы) совершенствования той же народной «речемысли».

Формы речи инертны и способны накапливаться в текстах. Категории же языка динамичны и постоянно преобразуются в соответствии с потребностями общества. Так, категория грамматического рода явлена уже в древности, но, как категория языка, она за последнее тысячелетие несколько раз изменяла свое содержание, функцию, стилистический ранг и даже смысл.

Выявлением таких преобразований языка и занимается историческая грамматика.

4. Периодизация истории русского языка

Периодизация строится по нескольким признакам, которые в своем совместном развитии совпадали по времени и обусловили как состояние языка, так и развитие общества. Множество признаков, определяющих друг друга и вместе с тем независимых, связаны с системой средневековых культурных ценностей: они символичны и строятся как замещающие друг друга в определенных условиях — своего рода принцип «матрешки» в метонимической смежности единиц и элементов языка.

Основные изменения языка мы рассмотрим до начала XVIII в., до времени, когда общие устремления системы языка уже совпали во всех местных говорах и во всех социальных слоях населения. Формирование литературного языка на национальной основе привело к качественным преобразованиям русского языка, с этого времени центростремительные процессы в сторону усреднения категорий и норм следует изучать в курсе «Современный русский литературный язык».

При сопоставлении нескольких признаков различения определяются основные этапы в развитии средневекового русского языка:

- древнерусский, с середины X до конца XIII в.;
- старорусский, с XIV до XVI в.;
- собственно великорусский (новорусский) язык, с XVII в.

С государственно-политической точки зрения эти три этапа соотносятся с развитием языка соответственно — в Древней Руси, в Московской Руси эпохи ее становления и в момент образования и развития «общерусского» (литературного) языка современного типа. Древняя Русь с центром в Киеве и (собираательно) с общевосточнославянской н а р о д н о с т ь ю — это восточные славяне, объединившие вокруг себя другие народности в деле построения государственности. Этнически завершение этого периода характеризуется выделением украинского (малорусского, т. е. коренного русского в центре его исторического бытования) народа с противопоставлением окраинным славянским этносам.

Основным христианским символом этого времени является София — Премудрость Божия, во славу которой ставились храмы во всех княжеских городах.

Основным христианским символом второго периода стала Живоначальная Троица; формируются важные начала собственно великорусского (т. е. «большого по составу») н а р о д а, а в конце периода на основе западнорусской части славянского населения образуется белорусский народ и формируется его язык, во многом совпадающий с великорусским. С конца XIV в. известны и основные особенности русских диалектов, как северных, так и южных, а с XVI в. в резуль-

тате их совмещения формируется среднерусская *койнэ* («средневеликорусские говоры»), после чего особенности северных русских говоров, развивавшиеся в направлении к самостоятельному, четвертому восточнославянскому языку (более близкому к украинскому, чем к великорусскому), были переработаны и сведены в общую систему «русского литературного языка». Формируется великорусская *н а ц и я*, впитавшая в свое этническое тело многие народные типы и культурные ценности, в том числе и присоединившихся или покоренных народов. Этническая чистота славянского народа исчезает в нации под напором новых социальных преобразований. Основным символом новой государственности становится чужеродный орел, возвративший двоичный принцип выделения признаков, но уже не самостоятельных и равных, а в их отношении к центру, левый и правый.

С точки зрения **религиозной** первый этап характеризуется ярко выраженным дуализмом веры: и язычество, и вновь принятое христианство сосуществуют, постепенно проникаясь присущими тому и другому культовыми чертами, взглядами и традициями. Как культ единящий и собирающий, христианство окрепло и усилилось в эпоху ига, когда оно сыграло важную роль в укреплении социальных структур и духовных основ общества. Если древнерусское христианство — евангельское (его называют еще «жизнерадостным» за его близость к Природе), то с XV в. на Руси развивается «монашеское» христианство с его аскетизмом, ригоризмом, истовым служением и личным подвижничеством во всем, что касается общественных обязанностей. В XV в. наблюдается то «повышение уровня святости» и умножение православных святых, о котором говорят историки церкви, показывая центростремительный рост государственности в связи с освобождением от гнета чужеземного ига. С XV в. широко развиваются расколы и ереси, а христианские иерархи отказываются от претензий на верховную власть в пользу светского государя. В основных своих проявлениях культ становится культурой уже великорусского содержания.

5. Принципы познания

Многие особенности самой системы языка подтверждают общий смысл происходивших изменений, например в последовательности развития модальных предикатов: сначала как пассивного *быти*, затем как активного *хотеть* и, наконец, как деятельностного *знать*, — в полном соответствии с изменениями говорения (*дискурса*): «молчание» большинства в древнерусском — монолог избранных в старорусском — диалог в Новое время.

Каждый из трех этапов развития языка различается особым **отношением к принципам познания**. Так, древнейший принцип квалификации объектов по их нечленимой цельности — *эквиполентный* (равноценный) — сохраняется в древнерусском, затем он заменяется на иерархически *градуальный* (по степеням признаков) в старорусский период и окончательно формируется как выразительно четкий *привативный* в Новое время. Равноценность двоицы в древнерусском представлена формально категорией двойственного числа, а реально — во всех культурных проявлениях: Борис и Глеб — святые, Киев и Новгород — столицы, левое и правое — принцип ориентации, добро и зло — этический принцип и т. д. Средневековье растягивает двоичные единства в цепочки взаимобратимых признаков (ср. триединство лиц Троицы), а затем возвращается к старому, двоичному противопоставлению, но теперь с обязательным выделением одного из парных объектов по признаку выделения (маркирован — отмечен по признаку различения). В древнерусском обиходе мужчина и женщина равноправны, выделяется каждый только ему присущими качествами; в Московской Руси между ними возможны градации по социально и физически важным признакам (см. «Домострой»), а в Новое время возникает проблема выделения отмеченного различительным признаком члена двоичной оппозиции: *мужчина* или *женщина*?

В изменениях языка смена принципов познания представлена очень ярко. В фонологии поначалу была дана четкая равноценность фонем, например ⟨е⟩ и ⟨о⟩, в которой первая выделялась рядом (передний), а вторая — огубленностью; в Средние века в результате изменений происходило насыщение гласных среднего подъема градуальным рядом фонем ⟨ê — е — ъ — ѣ — о — ô⟩, а в Новое время система осталась с привативным противопоставлением исходных фонем ⟨е⟩:⟨о⟩ с отмеченной признаком различения второй фонемой (лабиальность). Такие же преобразования заметны и в морфологии, и в синтаксисе. В области синтаксиса средневековая градуальность проявляется в обилии синонимичных союзов, соединяющих одни и те же сложные предложения, а в Новое время происходит обобщение определенных союзов для выражения известных отношений.

Самым важным различием между тремя периодами, имевшим большое значение для русского языка, было различие между *типами ментальности*, которое проявлялось в развитии глубинных категорий национального сознания (от лат. *mens, mentis* ‘ум, разум’).

Древнерусская *ментализация* (осмысление) способствовала овладению всеми ценностями христианской культуры, и русский язык получил множество выразительных слов и форм, способствовавших формированию общерусского языка. Все полученные путем заимствования символы средневековая *идеация* (обобщение) переработала

с точки зрения важных различительных признаков и тем самым привила христианскую идеологию к корню народной культуры. *Идентификация* (сопряжение) объема и содержания понятия, их согласование в словесном знаке привело к воссозданию в нем «идентифицирующего» действительность понятийного значения и тем самым закончило формирование лексического состава общерусского языка. Например, этический термин *съ(н)-вьс-ть* в процессе ментализации калькируется на основе греческого (в христианском значении) слова *συν-εἶδ-ός* по объему понятия (всякое совместное знание, известное всем), в процессе идеации вырабатывает существенный признак собственного — великорусского — понимания, т. е. определяет содержание понятия (в отличие от сознания, совесть — это духовное совместное знание), а с XVII в. уже предстает как законченное этическое понятие о чувстве личной ответственности за свои помыслы, слова и действия, данное в термине «совесть».

Ментализация как длительный и сложный процесс погружения языка в категории смысла формирует национальную ментальность, законченно отраженную в русском языке.

6. Идеология познания

Наука — это прежде всего метод (от греч. *μέθοδος* ‘путь познания’ в исследовании). Методология в широком смысле есть наука о методах, она представлена в трех направлениях: собственно методология, отвлеченно метод и конкретно методика исполнения работы. Все совместно они представляют идеологию познания — «учение об идеях».

Методология в узком смысле — это система коренных принципов открытия и представления теоретических положений в области познания, которыми в определенную эпоху направляется деятельность человека.

Метод — это способ познания и путь исследования существующих сторон научного предмета.

Методика — это совокупность приемов, необходимых для последовательного и доказательного изучения конкретных научных проблем.

Соотношения: *система* — *способ* — *приемы* и их признаки *коренные* — *существенные* — *конкретные* — показывают иерархию исследовательских приемов.

Методологическим обеспечением каждого из трех этапов развития русского языка явились: сначала философский *номинализм*, с XV в. — философский *реализм* (или *эссенциализм*), который стал основным содержанием великорусского мировосприятия, а в XVIII в. на короткое

время (эпоха Просвещения с западноевропейским влиянием) развивался философский *концептуализм*. Различие между этими направлениями средневековой мысли схематически можно показать на семантическом треугольнике, в котором взаимно соединяются представления о «вещи» (любом предмете), о связанном с нею понятии («идее»), о выражающем идею и указывающем на вещь «слове» (языка). Эта схема передает «смысл вещи» в трехмерном пространстве существования (объективно, *онтологически*), но познать такой смысл (*гносеологически*) можно лишь с помощью двоичного принципа: *логически* и *образно* с помощью соответственно левого и правого полушарий головного мозга. Таким образом, каждая из трех возможных позиций одновременно представляет собой как то, из чего человек исходит в своих суждениях, так и то, на что он при этом обращает особое внимание в соответствии с бифокальностью своего умственного зрения.

Тогда *н о м и н а л и з м* понимается как установка народного сознания, согласно которой в центре внимания находится *вещь в ее целостности* (из нее исходят), и потому соотношение слова и идеи (знака и значения) требуется подчинять согласованию не отдельных признаков вещи, а целостности вещей; для данной позиции важно не содержание понятия (признака различения), а объем понятия, т. е. то, что объединяет совокупности признаков вещи в вещь, а совокупности многих вещей в общее целое — мир. В практической деятельности для номиналиста важен опыт, практика действия и в целом «стихийный материализм». Такой была позиция Древней Руси.

Наоборот, для *р е а л и з м а* в этом смысле существуют именно признаки («Мы познаем только признаки», — говорил А. А. Потенбя), которые позволяют выделить как сходства вещей, так и различия между ними. Философский реализм исходит не из вещи, как номинализм, а из слова (Слово, Логос), видя в нем самую суть связей, существующих между вещью и идеей (понятием). Идея для реалиста столь же *существенно реальна* (*реальность* — действительность, *эссенция* — сущность), что и сама вещь. Такой стала философская позиция эпохи Московской Руси с XV в.

Древнерусский язык как самостоятельная часть общеславянского языка развивался главным образом в реальных своих признаках как *звучание устной речи*, представлен вещно и легкоопределим во всех своих вариантах. Последовательность звуков в речи всегда метонимична, как и их запись на пергаментном листе. Основной смысловой единицей также выступает не самостоятельное (словарное) слово, а целое сочетание из двух-трех слов, словесная формула, построенная на метонимической основе. Строение любой словоформы подчиняется тому же двоичному принципу: *основа* и *окончание* строго разграничены как самостоятельно важные элементы словоформы, входящей в состав словесной формулы. Таким образом, древнерусские

изменения являются преимущественно фонетическими изменениями форм, охватывают фонетику (в широком смысле).

В старорусский период звуковые изменения затухают, завершаясь в основных своих тенденциях, заложенных еще в праславянском языке. Но теперь это не изменение звуков в вещной реальности слога, это преобразование *признаков* звука согласно их сходству или различию в составе идеальной *морфемы*. Это преобразования грамматической формы, которые готовят в языке последующие, важные для системы языка категориальные изменения, прежде всего морфологические, а затем и синтаксические.

То, что весьма условно можно назвать *концептуализмом* XVIII в., есть момент соединения объема и содержания понятия, выработанных в слове на предыдущих этапах развития языка. Происходит это уже в автономном, выделенном из традиционных словесных формул слове, которое представляет собой идеальную совокупность словоформ, собранных по сходству корневой морфемы, а своими грамматическими частями (флексиями) обращено в сторону контекстов и тем самым формирует различные типы предложений. Через слово происходит воссоздание словесных знаков, подчиняющихся уже не образной (как в древнерусском) и не символической установке (как в старорусском), а установке на логически выверенное понятие как основную содержательную форму слова (сам термин *понятие* появляется только в начале XVIII в.). Таким образом, концептуалист исходит из готового, сложившегося в культуре понятия (идеи) и полагает, что *слова и вещи* в одинаковой мере реальны в своей вещной определенности как противопоставленные идеальности понятия.

7. Метод и методика

В отличие от методологии всеобщего характера, охватывающей все стороны человеческого действия, метод и методика определяют конкретную науку. Языкознание в своем развитии выработало ряд строгих научных методов и обеспечило себя самыми изощренными исследовательскими методиками.

Историческая грамматика использует сравнительно-исторический, структурный и функциональный методы исследования языка; когнитивная лингвистика еще только разрабатывает свой научный метод. Отчасти указанные методы несоединимы в практическом описании. Так, исследование грамматических категорий могло быть психологическим, логическим или социологическим в зависимости от того, каким методом пользуется исследователь — сравнительно-историческим, структурным или функциональным.

Имеется несколько основных методических положений, которые используются при изучении истории языка. Приведем их, на первое место курсивом вынося тот вариант, который принимается в нашем изложении.

С точки зрения **предмета описания и объекта исследования** принимаются во внимание следующие возможности.

1. *Словоформа в составе слова* — или словоформа в синтаксическом контексте как основной предмет изучения. В первом случае речь идет о категориальных свойствах парадигм (грамматически целого), во втором — прежде всего о форме, т. е. о частях целого, которые в результате произведенного исследования сводятся в системы идей самого исследователя.

2. *Морфологическая категория* — или формально только морфема как основная единица исследования; соотношение точек зрения здесь то же, что и в предыдущем случае: семантико-функциональный подход к морфологии в первом случае и чисто формальный во втором.

3. *Система языка в целом* — или факты случайного *употребления* грамматических *форм* в речи как основной объект исторической грамматики.

Как видно, представленные позиции не составляют резкой противоположности и могут быть совмещены в конкретном описании *фактов*, взятых в *развивающей их системе*. Материально данный предмет описания (речь в ее элементах) должен стать объектом исследования (язык в его сущностных признаках).

С точки зрения **привлекаемых к исследованию источников** выделяются следующие противоположения.

1. *Только памятники письменности* — или памятники с привлечением данных *современных русских говоров* в их историческом развитии.

2. Как отражение *реальных изменений внешней истории народа* — или вне такого развития, представляя исторические факты автономно как особенности формальной структуры языка.

3. *В связи с содержательными формами языка*, явленными в семантике слова и в семантике грамматической категории («понятийной категории», *концепта*), — или не учитывая отношения к глубинно-смысловым категориям сознания.

С точки зрения **метода и методики описания** исторических фактов возможен следующий выбор предпочтений.

1. *Историческое исследование отдельных процессов изменения* — или описание специально выделенных периодов (статически как законченных «систем»).

2. С учетом основной *функции* той или иной *морфемы в определенный момент ее преобразования* — или пренебрегая этим свойством грамматической системы.

3. С учетом изменений, происходящих на других, смежных *уровнях языка*, — или исключая их из исследования ради «чистоты» морфологического или фонологического описания (в практическом исследовании это требование также редко соблюдается).

4. С учетом особенностей *средневековых* типов построения устного текста — или без учета его своеобразия.

С общесистемной точки зрения необходимо учитывать следующие возможности выбора.

1. Изучается ли *инвариант общей системы языка* — или его конкретные варианты, данные в речи, например как проявление диалектных систем вне «общерусской» тенденции развития.

2. Изучается ли *система языка в отношении к (литературной) норме* определенного времени — или без учета такого отношения.

3. Изучается ли та или иная категория языка в *стилистическом ряду* данных *форм* — или семантически нагруженные стилистические варианты текста не принимаются во внимание как факт истории языка.

Выделенные курсивом первые части обозначенных здесь предпочтений кажутся единственно продуктивными в историческом исследовании грамматических категорий. В разной степени полноты они и представлены в различных исследованиях по исторической грамматике русского языка.

Перечислением всех типологически важных элементов, необходимых для построения курса «Исторической грамматики русского языка», мы представили ту позицию, на основе которой будут излагаться исторические факты и даваться объяснения происходящим в истории языка изменениям.

8. Формирование русского языка

Становление русского языка в его вариантах, типах и стилях происходило постепенно. Об этом процессе писали многие историки языка, связывая его с образованием великорусского народа на северо-восточной окраине Древнекиевского государства. Этнической основой великорусского народа стали племена центральной лесной полосы Восточной Европы; за столетия они испытали многие перемещения, попутно ассимилируя другие, в том числе неславянские племена. Расхождения в языке между славянскими племенами в древности проявлялись в незначительной степени в лексике и в звучании слов — в фонетике.

Еще до того, в эпоху Киевской Руси, формирование древнерусской народности происходило путем направленного движения северо-западных славянских племен из псковско-новгородской области на юг

по Днепру (новгородские словене) и с юга по Днепру им навстречу (киевские русины); общим для них всех был «языкъ словеньскъ». Двоение культурных явлений навсегда сохранилось у восточных славян: постоянно две столицы, две «веры», два «языка», две культуры и т. д. На первом этапе собирания русских земель и племен происходила унификация генетически разнородных славянских диалектов, которые создали первоначальную систему языка древнерусской народности, войдя в единый государственный организм. «Единство языковых переживаний» (известная метафора, от которой трудно отказаться) стало отправной точкой этнического единения в те времена, когда словом *языкъ*, *языци* обозначали не только речь, но и народ, которому она принадлежала.

Таким образом, термин «русский язык» предполагает понятие о языке, который в последовательных своих изменениях соединял восточных славян во времени и в пространстве считая с середины XI в., когда начинаются собственно восточнославянские языковые изменения, и далее представлен в моментах его преобразования как *система*: древнерусский язык (восточнославянский диалект общеславянского языка) — великорусский язык эпохи Средневековья — современный русский язык.

9. Источники

Основным источником изучения истории языка является древнерусская рукопись и средневековый текст.

Текст — языковое выражение определенного смыслового содержания; *рукопись* — конкретное проявление текста в ее уникальной форме. Русских рукописей сохранилось довольно много, если считать поздние из них: с XI по XVIII в. их до двухсот тысяч, многие содержат по несколько текстов сразу, так что списков текстов самого разного содержания мы имеем более двух миллионов, одних только списков летописи около 1500. Большинство текстов и рукописей не изучены, множество рукописей даже не просмотрены, некоторые списки не сведены в общий текст и не изданы; новые находки поражают воображение еще и в наше время. Таким образом, материальная база исследования представлена солидно и вряд ли будет обработана в ближайшие десятилетия. Хотя это и составляет от силы пять процентов от всего, созданного восточными славянами за тысячу лет их писаной истории, тем не менее и сохранившееся представительно отражает разные этапы истории письма и языка.

Сложнее всего дело обстоит с древнерусскими рукописями, способными раскрыть древнейшие изменения. Старославянские рукописи,

которых не очень много, описаны полностью и теперь дают прекрасный исходный материал для суждений о древнеславянском литературном языке, но из 850 древнерусских рукописей XI–XIV вв. хорошо описанных оказывается около 200. Значительная часть раннего рукописного наследия представляет собой разрозненные листки, случайно сохранившиеся как бросовый материал. Так, от XI–XII вв. из 107 древнерусских рукописей 24 дошли до нас в виде обрывков, почти четверть этих рукописей — отдельные листки.

Древнейшие тексты, обычно изучаемые в курсе «История русского языка», представлены датированными рукописями, к числу которых относятся Остромирово Евангелие 1056–1057 гг., Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Лаврентьевский список летописи с текстом «Повести временных лет» 1377 г., а также важные по текстам древние рукописи: Новгородская I летопись по Синодальному списку конца XIII в., Успенский сборник с текстами житий и переводных «слов» XII–XIII вв., и в их числе самая древняя рукопись начала XI в. — Путятина минея из новгородского Софийского собора, которую, по преданию, в монастыре переписывал тысяцкий князя Владимира — Путята, огнем и мечом крестивший новгородцев.

Появление письменности в корне изменило формы существования и характер древнерусской языковой культуры. «Книжный язык» — «славянорусский язык», вобравший в себя много заимствований из греческой лексики и синтаксиса, вступил в конкуренцию с естественно развивавшимся разговорным языком славян в его устной форме; оба «языка» воздействовали друг на друга, отражая и общее устремление к развитию новой государственной культуры восточных славян. Во многом и современная *вербальная* (языковая, словесная) русская культура обязана синтезу идеально высокого стиля средневековой книжности и материально бытового разговорного.

Тем не менее с самого начала эти две стихии русского языка различались. Для устной речи важно *время* проговаривания, она развивается во временных пределах, ее единицы воспроизводятся во времени. Книжная речь расположена на пространстве листа: время тут застыло в со-стоянии, оформление листа в следовании его буквенных знаков было ритуально значимым, а сам стиль письма представлен как канонический *устав*. Все другие категории языка и письма воспринимались под знаком такого различения. Там, где пространство, — там и движение, движение руки писца или автора, в определенной последовательности начертаний; специалисты четко выделяют целые эпохи в зависимости от того, в какой последовательности движений переписчик воспроизводит начерки букв: *жс, к, ъ*... Писали все экономнее, упрощая и сокращая отдельные элементы письма — уже в угоду времени, и через систему *полуустава* развилось более похожее на современное письмо — *скоропись*. Письмена стали буквами. Бук-

вы расположены друг возле друга, и общий их ряд, все их количество видно одновременно, в метонимической смежности элементов, так что причинно-следственная цепь предстала глазу в ее законченности и цельности. Звуки же произносились, как бы напирая друг на друга, смешиваясь в речи, и не всегда было ясно, является ли произношение этого звука следствием предыдущего, или же его звучание определено последующим — возникали поправки, искажения речи, неясности произношения, т. е. не причина и следствие, а условие речи и ее непредсказуемый результат. В центре внимания не количество букв, данное глазу, а некое неопределенное качество звуков, данное слуху. Буквы аналитичны, в конкретности каждой даны отдельно; звуки синтетичны, а в слове они синкретичны по смыслу и роли в речи.

В историческом изучении языка создается трудность, состоящая в том, что естественное развитие разговорной речи нам приходится воссоздавать по письменным памятникам: «звуки» древнерусского языка изучаются по «буквам» текста, что требует особой осторожности в заключениях. Спасает положение то, что в действительности мы изучаем не историю звуков и грамматических форм, а историю фонем, т. е. смыслоразличительные единицы звукового уровня, как они функционировали в составе слов и морфем.

Для нас интересен смысл категорий, а не форма их представления.

Помогают **другие источники**: сравнение с родственными языками, типологические сопоставления с неродственными языками, сохранившиеся в русских говорах особенности языка и произношения.

Большую помощь оказывают заимствования из других языков, полученные русским языком в то или иное время. Благодаря этому оказывается возможным представить относительную хронологию тех или иных изменений. Например, названия фруктов и овощей, заимствованные из германских и кельтских языков до VIII в., относятся сплошь к типу склонения с основой на **ī*- (*моркы, смокы, тыкы* и т. д.), а это значит, что до того времени у славян различие по типам основ сохранялось твердо. Многие заимствования из скандинавских языков подтверждают особое отношение славянских говоров к третьей палатализации: в словах типа *кънязь, пенязь, склязь* ⟨з⟩ восходит к [g] в сочетании [ing], и т. д. Важным источником являются примеры *субституции*, т. е. замещения собственной фонемой фонемы в составе заимствованного слова. На этом основании мы можем говорить о качестве славянских звуков, например о том, что древнерусская фонема ⟨ѣ⟩ (передавалась буквой «ять») изменяла свое произношение, потому что в языках, заимствовавших древнерусские слова, она сначала передавалась как нижний [ä] или как долгий звук [ää], а затем как узкий [ie] или [ê].

10. Основные понятия, термины и определения

Для понимания исторических изменений языка необходимо уяснить некоторые научные термины. Укажем дополнительно к приведенным следующие.

Язык представляет собой с и с т е м у.

Термин «система» сегодня имеет множество толкований, толкования зависят от точки зрения ученого. Главным образом это идеальное представление о предметном мире, который во всех своих подробностях предстает как органическое целое. Греческое слово *συστήμα* значит ‘целое, составленное из частей’; система языка существует и изменяется объективно и тем отличается от н о р м ы, которая есть явленность системы языка в речи, познанная система («установленная сознанием мера отношений»). Система языка — совокупная множественность языковых единиц естественного языка, организованных в функциональное и стилистическое единство на основе связей и отношений по существенным смысловым признакам, которые способны порождать новые смыслы, сохранять их в текстах и передавать в речи.

Системы языка в зависимости от характера могут быть синтагматическими (от греч. *σύνταγμα* ‘сочинение’), парадигматическими (от греч. *παράδειγμα* ‘подобие’) и функциональными (от лат. *functio* ‘исполнение’). Например, сочетание фонем друг с другом в конкретной словоформе образует *синтагматическую* систему фонем, показывая утрату того или иного признака в слабой позиции, ср. [пруда] : [пру-та], но в слабой позиции, где противопоставление отсутствует, [прут] в обоих случаях. Так выделяется *различительный* признак фонем (в данном случае признак голоса: звонкий-глухой), который определяет *маркированный* (отмеченный по данному признаку) член противопоставления.

Характер и количество различительных признаков определяют *парадигматическую* систему фонем на каждом этапе развития языка. Такая система может быть записана в виде таблицы, в которой линии соединения указывают различительные признаки:

⟨б — п⟩	—	⟨д — г⟩	—	⟨г — к⟩
⟨б' — п'⟩	—	⟨д' — г'⟩	—	⟨г' — к'⟩

Двенадцать фонем противопоставлены по трем признакам: голоса (звонкие и глухие), палатализации (твердые и мягкие) и места образования (губные, зубные и заднеязычные).

Но фонема в синтагматической цепи смежности оказывается включенной в определенную *морфему* и употребляется в какой-то *слово-*

форме. Поскольку морфема есть минимально значимая единица языка, возникает вопрос о *функциональной* системе фонем, прежде всего об их функциональной ценности и глубине. *Ценность* фонем определяется их частотностью в системе, *глубина* их — количеством словоформ и морфем, в которых фонема может встречаться.

Соотношение парадигматических и синтагматических систем в грамматике проявляется противопоставлением морфологии (части речи) и синтаксиса (члены предложения). Здесь также может утрачиваться противопоставление в слабых позициях и выделяются существенные признаки различия в сильных.

Термин «категория» в современном значении в русской грамматической традиции впервые используется А. А. Потемной; его предшественники для обозначения грамматической категории употребляют еще термин «степень». *К а т е г о р и я* есть общее и даже всеобщее понятие о том же объекте, что и *п а р а д и г м а*, но это — максимально абстрактное понятие, наиболее близкое к идеальному в его абстрактности представлению, которое парадигма и замещает в сознании как общность явленных форм. Так, самостоятельные категории рода или числа имен представлены как замещение идеи предметности или счетной меры. Категория одновременно есть и образ парадигмы, и смысл понятия — это символ *концепта*, а концепт, в свою очередь, составляет основную единицу ментального содержания, которую сегодня изучают многие гуманитарные науки, не только языкознание. Категория — это совокупность содержательно однородных языковых единиц, объединенных общим признаком (категория рода, категория числа).

Исходной точкой развития любой категории, и грамматической прежде всего, является момент *начала*. В свернутом виде *начало* содержит в себе качество, которое должно развернуться в дальнейшем, так что *р а з в и т и е* оказывается движением заданных системой импульсов в определенном, ограниченном системой направлении. Трудно установить «законы» развития, но зато всегда заметны его «тенденции». *П р о ц е с с* объединяет начала и концы развития, обуславливая все этапы развертывания исходного начала. Процесс развития преобразует заданные качества, всегда определяясь условиями изменения. Процесс объективен, развитие составляет его оправдание и цель. Процесс и развитие соотносятся как явление и его сущность, и, в отличие от них, *и с т о р и е й* можно назвать момент осмысления и осознания соответствующего развития, данного в его процессе. Начало «развития» — и причина, и цель одновременно, но именно «история» устанавливает «законы» развития, определяя его внешние ограничения и возникающие под внешним влиянием отклонения.

И с т о р и я языка изучает *п р о ц е с с* *р а з в и т и я* категорий и форм конкретного языка — в нашем случае русского языка.

ФОНОЛОГИЯ

1. ИСХОДНАЯ СИСТЕМА ФОНЕМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТА В СОСТАВЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1.1. Основные принципы строения слога

К началу X в. наиболее полно выявились расхождения между северными и южными диалектами праславянского языка. Прежнее противопоставление Запад–Восток в связи с миграцией южных славян на Балканы после V в. по ряду языковых признаков сменилось противопоставлением южных диалектов северным. Утрата интонационных различий, разница в развитии носовых гласных, возникновение противопоставлений согласных по твердости–мягкости, расхождения в условиях и характере утраты редуцированных гласных — важнейшие отличия северной группы диалектов, которые позволяют говорить о том, что X в. является конечным этапом в развитии праславянского языка. В это время складываются условия для выделения отдельных славянских языков.

Общими функциональными закономерностями этого периода являлись закон открытого слога и закон слогового сингармонизма. Они сформировались в праславянский период, существенно изменив парадигматическую систему фонем; в частности, утрачены были дифтонги и дифтонгические сочетания, а у согласных возникла серия новых фонем.

По закону открытого слога (тенденция к обобщению открытого слога, к восходящей звучности слога) в праславянском языке возможны были только слоги, которые заканчивались гласным: *до/мъ* — *до/ми/къ* — *до/мо/въ/ни/ча/ти* — *до/мо/въ/ъ/ь*. На этих примерах можно видеть, что закон открытого слога был фонетическим (касаясь фонетического слога) и, следовательно, очень часто вступал в противоречие с морфологическим членением слова. Морфологические, словообразовательные, даже лексические границы не совпада-

ли иногда с фонетическим членением речи «по слогам»; ср.: *дом-овьн-ич-а-ти* — *до/мо/вь/ни/ча/ти*. Фонетический слог, претендуя на всеобщность и универсальность в языке, никак не соотносился с функционально важными единицами языка. Полугласные (глайды), прежде всего ⟨л, р⟩, могли закрывать слог (*сь/мьр/ти*, *дер/во*), но к концу праславянского периода и такие слоги стали восприниматься как исключение. Все отклонения от закономерности подвергались постепенным преобразованиям, известным по курсу старославянского языка. Самые поздние из них — те, которые дали расходящиеся результаты в различных славянских языках; например, изменение сочетаний типа **tьrt*, **tort* в **tьrьt*, **torot* иногда относят даже к IX в., т. е. ко времени, не очень удаленному от интересующей нас эпохи. Тенденция к распространению открытого слога становится законом, не имеющим исключений. Исключения сохраняются дольше всего на самой северной окраине славянского мира. Можно сказать, что превращение тенденции в не знающую исключений закономерность привело к полному разрушению принципа слогового строения речи. Этот принцип диахронический. Он обеспечил последовательное обогащение фонологической системы языка новыми фонемами, новыми признаками, новыми правилами позиционного варьирования и т. д. и в результате стал излишним — перестал способствовать развитию системы.

Закон слогового сингармонизма (тенденция к палатализации) является результатом действия предыдущей закономерности. Многочисленные изменения в пределах слога привели к тому, что в слоге стали возможны только одинаковые по качеству звуки: твердый согласный + гласный непереднего ряда ([та, по, ку]), нетвердый согласный + гласный переднего ряда ([ч'и, с'е, н'ъ]). Не совпадающие по качеству гласные и согласные в составе одного и того же слога преобразовывались. Твердые ⟨т, п, к⟩ в положении перед гласными переднего ряда смягчались; условно их называют полумягкими, имея в виду, что такие смягченные согласные не имели фонематического значения, не выступали в качестве самостоятельных «мягких» согласных фонем. В отличие от исконно мягких, которые были палатальными (мягкими), эти согласные являлись п а л а т а л и з о в а н н ы м и (смягченными). Самые поздние изменения этого типа происходили в VIII–IX вв., т. е. непосредственно перед выделением общевосточнославянского диалекта

В отличие от закона открытого слога, основного фонетического закона праславянского языка, звуковой сингармонизм определял как бы условие существования слога, он обеспечивал единство слога по большинству фонетических признаков входящих в его состав фонем. Основной смысл этой закономерности выявляется из следующего примера (разные формы слов *конь* и *конь*):

им. п. ед. ч.	конь [кон ^н -ь]	конь [кон-ь]
местн. п. ед. ч.	кони [кон ^н -и]	конь [кон ^н -ѣ]
вин. п. мн. ч.	конь [кон ^н -ѣ]	коны [кон-ы]

Самые важные элементы слога, часть корня и окончание, не смешиваются друг с другом, всегда можно определить тип флексии, которая обслуживает данную парадигму, например (ѣ), перед которым может находиться и (н) палатальное (самостоятельная фонема), и (н) палатализованное (оттенок фонемы (н)). Вместе с тем всегда строго соблюдается единство фонемы на стыке морфем; например, [кон^н] во всех формах слова с (н^н), а [кон] всегда с твердым (н). Закон слогового сингармонизма как бы подправлял закон открытого слога и вместе с тем предохранял некоторые фонемные признаки гласного или согласного от их взаимного слияния в слоге. Строго говоря, слоговой сингармонизм не стал законом, оставаясь на уровне тенденции, он сменился другими принципами сразу же после утраты закона открытого слога.

В праславянском языке, кроме условий, имелась еще форма существования слога. Было бы неясно, почему такое большое значение получил фонетический слог, если бы мы не учли просодических характеристик слога, потому что именно слог является их носителем. При этом количественные противопоставления (долгота—краткость) могли быть как у отдельных гласных, так и в отдельных слогах: фонематическое противопоставление долгих—кратких гласных столкнулось и с фонетической разницей между долгими и краткими слогами. Еще в праславянской языке количественные противопоставления гласных были утрачены в пользу слога, например: *лебадь* [le-będъ], *льзж* [lę-zǫ] дали [le-lę] вместо [lę-lę]. Однако такое расположение долгих и кратких слогов очень неустойчиво, оно никакого значения для системы не имеет. Долгий слог [lę] противопоставлен краткому слогу [le] не только потому, что в их составе находились соответственно долгий и краткий гласные. Эти слоги входили в состав словоформ с самым разным набором долгих и кратких слогов, которые к тому же могли чередоваться в различных словоформах одного слова и иметь разное ударение. Например, слог [lę] всегда находился под ударением, а слог [le] мог выступать то под ударением, то без ударения; слог [lę] никогда не сопровождался последующими долгими слогами, а слог [le] всегда находился в их окружении (при склонении и при образовании новых слов с помощью суффиксов). В аналогичном положении были слоги всех типов. Короче говоря, возникла необходимость связать долготу или краткость каждого слога с долготой или краткостью соседних слогов и вместе с тем выделить такой признак, который как-то мог бы объяснять фонетическую предпочтительность именно этого слога.

Таким признаком стал признак *и н т о н а ц и*, потому что из всех просодических признаков только интонация может объединить своим действием два соседних слога, как бы прикрепляя их друг к другу: повышение (или понижение) интонации начинается (или завершается) на соседнем к подударному слоге. В результате произошло то, что историки праславянского языка называют переходом количественных различий гласных в качественные и что можно было бы считать третьей основной закономерностью праславянской фонологической системы. Поскольку количественные противопоставления слогов видоизменились в интонационные, теперь и долгота–краткость отдельных гласных фонем оказалась несущественной и сменилась противопоставлением гласных по качеству; в нашем примере на месте [le–lĕ] возникли слоги [le–lĕ] (<e> сохраняется, а <ĕ> = ъ возникает на месте долгого <ē>).

Закон открытого слога приводил к совпадению по качеству слогов, до того различавшихся: [lĕ–loi–lai–lāi] совпали бы в одном [lĕ] в связи с монофтонгизацией дифтонгов. Это могло разрушить многие важные противопоставления, например могли бы совпасть по форме корневые морфемы с разным значением. Этого не случилось благодаря образованию интонационных различий, которые накладывались на старые количественные противопоставления и усложняли синтагматическую систему. В таких условиях тенденция к открытому слогу по-прежнему могла продолжать действовать, поскольку на функциональном уровне она пока не сказывалась, не мешала целям общения, нейтрализовалась другими столь же общими закономерностями праславянского языка.

1.2. Состав гласных фонем

Функциональное единство слога в целом не препятствует парадигматическому выделению гласных в их отличии от согласных. В праславянском языке именно гласный являлся ведущим элементом слога, поскольку с гласным была связана основная характеристика слога (интонация) и поскольку гласный мог употребляться самостоятельно, например позиционно в начале слова (*огнь, утро*) и даже в качестве самостоятельного слова (ср. предлоги и союзы типа *a, o, y*). Согласный был связанным элементом слога: если качество гласных не зависело от качества соседних согласных, то согласные варьировали в зависимости от следующего гласного (ср.: [д] в словоформе [са́да] и [д´] в словоформе [са́д´ĕ]).

В начале X в. праславянская система гласных фонем включала 12 гласных. В обширном лексическом материале, дошедшем до нас,

можно выделить такие минимальные пары слов, которые отличаются друг от друга только одной гласной фонемой; ср.:

- 1) *сьль* — *саль* (род. п. мн. ч. от *сало*) — *сель* — *силь* — *сьль* ‘по-сол’ — *сьль* — *соуль*: ⟨*ě-а-е-и-ь-ы-у*⟩
даль — *долъ* — *дль* — *дль*: ⟨*а-о-ě-ѡ*⟩
львь — *львь* — *лавъ* — *ловъ*: ⟨*ě-ь-а-о*⟩
мьхъ — *мьхъ* — *махъ* — *моухъ*: ⟨*ě-ь-а-у*⟩;
2) *стол[ъ]* — *стол[а]* — *стол[у]* — *стол[е]* — *стол[ě]* — *стол[и]* — *стол[ы]*: ⟨*ъ-а-у-е-ě-и-ы*⟩
стон[а] — *стон[ы]* — *стон[ě]* — *стон[о]* — *стон[ѡ]* — *стон[у]* — *стон[ъ]*: ⟨*а-ы-ě-о-ѡ-у-ь*⟩

(⟨*ь, ѣ*⟩ могут встречаться только в «мягком» варианте склонения). Число сопоставлений, доказывающих различительную способность представленных гласных, можно было бы увеличить за счет не совсем подобных пар, например пар типа *соулица* ‘копье’ — *сжличь* ‘по направлению к’. Для установления фонем важно положение в одинаковых фонетических условиях, которое здесь соблюдается: гласные ⟨*у, ѡ*⟩ находятся после твердого перед палатализованным согласным.

Из многочисленных сопоставлений подобного рода можно сделать несколько выводов, важных для наших целей.

Во-первых, в случаях самой редкой оппозиции, например в парах ⟨*ě-о, ě-ь, и-ь*⟩, ряд противопоставлений мы можем дополнить наиболее распространенными фонемами ⟨*а, о, у*⟩. Напротив, имеются оппозиции, связанные с употреблением ⟨*а, о, у*⟩, которые не удастся расширить за счет сопоставлений с фонемами ⟨*ъ, ь, ѡ, ѣ*⟩, иногда и ⟨*ě*⟩. Это значит, что ⟨*а, о, е, и, у, ы*⟩ являлись функционально сильными, очень употребительными фонемами; кроме того, они могут встречаться и без предшествующего согласного, т. е. не в составе слога. Фонемы ⟨*ѡ, ѣ, ь, ь, ě*⟩ — функционально слабые в системе праславянского языка. Функциональная слабость этих фонем объясняется и их редкостью. Фонема ⟨*ě*⟩ встречалась примерно в 240 корневых и в десятке флексивных и суффиксальных морфем; ⟨*ѣ, ѡ*⟩ встречались еще реже (⟨*ѣ*⟩ обслуживала около 55, ⟨*ѡ*⟩ — около 75 корневых морфем). Только в 16 грамматических формах возможно появление носового гласного, причем, как правило, в конце слова — в фонетически самом слабом слоге. Различались по своей употребительности гласные и в потоке речи. Сравнение употребления гласных в одном и том же тексте по древнерусскому ОЕ 1056 показывает, что употребительность ⟨*ь, ь*⟩ постепенно уменьшается и одновременно образуется ряд низкочастотных фонем — как раз тех, которые впоследствии исчезли в системе русского вокализма; ср. убывающую последовательность

гласных ⟨и–а–е–о–ъ–ь–у–е–ѡ–ѣ–ы⟩, что соответственно в процентах составляет: 18–16–16–14,4–10–6,9–4,7–4,3–3,6–3,3–2,8 = 100%.

Во-вторых, между фонетически близкими фонемами число оппозиций максимально ограничено, а у некоторых фонем таких противопоставлений вообще никогда не было. Противопоставление ⟨ѡ–у⟩ или ⟨е–а⟩ отмечается только в нескольких корнях [из квазиомонимов ср.: *лжкъ* ‘оружие’ — *лоукъ* ‘овощ’, *лада* — *лада*, *падъ* — *падъ*, *радъ* — *радъ*] и в конечном слоге слова (ср. формы дат. п. ед. ч. имен мужского рода *рабоу* и вин. п. ед. ч. имен женского рода *робж*; но уже у глагольных форм такого противопоставления нет: *несж* — 1-е л. ед. ч. наст. вр.). Фонемы ⟨ъ–о, ь–е⟩ различали словоформы одного слова (например, *сель* — *село* или *конь* — *коне*), но никогда не охватывали противопоставлений в корневых морфемах. Напротив, ⟨ъ–ь, о–е⟩ противопоставлялись друг другу только в корневых морфемах (ср. в форме род. п. мн. ч. *дънь* — *дънь*: род п. мн. ч. от *дъно* и *дънь*), тогда как в конечном слоге слова они находились в дополнительном распределении, заменяли друг друга в зависимости от предыдущего согласного. Ср. следующие формы местоимений *тъ*, *сь* (с привлечением других вспомогательных форм):

после твердого ⟨т⟩:	<i>ти</i>	<i>ты</i>	<i>то</i>	<i>тъ</i>	<i>та</i>	<i>тоу</i>	<i>тъ</i>	<i>тѣ</i>	<i>тѣ</i>
после мягкого ⟨с⟩:	<i>си</i>	–	<i>се</i>	<i>сь</i>	–	(<i>сю</i>)	(<i>сь</i>)	<i>сѣ</i>	–
после твердого ⟨с⟩:	<i>си</i>	<i>сы</i>	(<i>се</i>)	(<i>сь</i>)	<i>са</i>	<i>соу</i>	(<i>сь</i>)	<i>сѣ</i>	<i>са</i>

Эту таблицу можно расширить за счет таких слогов, которые входили в состав какого-нибудь слова, но сами по себе отдельными словами не являлись (приведены в скобках). В фонетической транскрипции это соответствовало следующим возможным в праславянском языке сочетаниям «согласный + гласный»:

[т’и]	[ты]	[то]	[тъ]	[та]	[ту]	[т’ѣ]	[т’ѡ]	[т’ѣ]
[с’и]	–	[с’е]	[с’ь]	–	[с’у]	[с’ѣ]	[с’ѡ]	–
[с’и]	[сы]	[с’е]	[с’ь]	[са]	[су]	[с’ѣ]	[с’ѡ]	[с’ѣ]

Аналогичную картину дают флексии твердых и мягких основ, которые приведены выше; ср.: *конь* — *конь*, *жено* — *землѣ*, что также указывает на соотношение ⟨ъ–ь, о–е⟩ в пределах одной и той же грамматической формы.

По своему происхождению представленные имена существительные не одного исконного типа склонения: *конь* — из числа **й*-основ, *конь* — из числа **о*-основ, *жена* — из числа **ā*-основ, *земля* — из

числа **ē*-основ. После ряда изменений в праславянском языке эти основы стали осознаваться как варианты одного типа «мягкого» или «твердого», т. е. **o*- и **jo*-, также **ā*- и **jā*-основ. Гласные, составлявшие основу флексии, вступили в морфологическое чередование: р а з л и ч а я с ь ф о н е т и ч е с к и и представляя собой разные фонемы, морфологически они имели одно и то же значение. К этим двум парам гласных следует еще отнести ⟨и–ё⟩, поскольку они вступали в аналогичное отношение по общности морфологического значения; ср.: *конь* — *кони* (местн. п. ед. ч.), *жень* — *земли* (дат. п. ед. ч.). От чередования ⟨и/ё⟩ чередование ⟨о/е⟩ отличалось тем, что еще с праиндоевропейского периода представляло собой морфонологическое чередование, являясь результатом аблаута (т. е. чередования фонем, выступающего в морфологическом значении), который получил морфологическую функцию (ср. чередования в славянских глагольных корнях типа *веду* — *водиши*, *несу* — *носиши*). После сокращения ⟨й > ѣ, ѣ > ъ⟩ и редуцированные вступили в аблаутные чередования, т. е. по своей морфологической функции совпали с чередованием ⟨е/о⟩. Все славянские языки отражают результат сближения ⟨ъ, ь⟩ с ⟨о, е⟩, поэтому можно предполагать его праславянское происхождение. Что же касается чередования ⟨и/ё⟩, то оно характерно не для всех славянских языков, и даже в одном каком-нибудь языке, например в древнерусском, наблюдается расхождение по диалектам. Аблаут с долгим по происхождению гласным вообще развился очень поздно, поэтому и оформление чередования ⟨и/ё⟩ в каждом славянском языке происходило самостоятельно. Впоследствии сама возможность вступать в морфологические чередования с той или иной фонемой определила направление в изменении утрачиваемой языком фонемы; ср. в древнерусском языке изменения ⟨ъ → е, ъ → о⟩, тогда как ⟨ё⟩ совпадает либо с ⟨и⟩, либо с ⟨е⟩.

Таким образом, в древнерусской фонологической системе ⟨ъ, ь⟩ и ⟨о, е⟩ морфологически, в словоформах одного слова, не противопоставлены друг другу, но они противопоставлены всем прочим гласным фонемам системы; они выполняют не форморазличительную, а смысло-различительную функцию (могут различать значения разных слов).

Методом антонимического противопоставления терминов, представленных в средневековых грамматиках, можно определить те парные противопоставления, которые казались существенными древнему книжнику, а на этом основании и те признаки, на которых строилась вся система вокализма. Выясняется, что краткими были ⟨о, е, ъ, ь⟩, долгота специально подчеркивается для передних ⟨а, о, у⟩, для остальных гласных этот признак оказывается неважным, у ⟨ё⟩ он связан с дифтонгоидностью. Как носовой гласный специально выделяется только ⟨ж⟩. По подъему как наиболее узкие (верхние) выделяются ⟨у, и, ь⟩, но в пару к ним в качестве неверхних показаны соот-

все носовые гласные стали фонематически долгими, потому что все они образовались из дифтонгических сочетаний и имели две степени длительности. Как и на всех таких гласных, на них возникли интонационные различия. Это еще больше выделило носовые из числа всех прочих гласных: фонетически они могли быть долгими и краткими, в просодическом отношении — всегда долгими, по происхождению связаны с краткими, но в употреблении в праславянской системе — обязательно долгие.

Особых замечаний требует фонема ⟨ḡ⟩. Она возникла из определенных сочетаний ⟨ǣ⟩ с согласными и, подобно фонеме ⟨ė⟩, почти не встречалась в позиции начала слова. Произошло изменение ⟨*jō → ḡ⟩ с сохранением лабиализации, что указывает на то, что к моменту такого изменения ⟨ȯ⟩ и ⟨ḡ⟩ уже не были гласными одного и того же среднего подъема: ⟨ȯ⟩ перешло в число среднев верхних гласных.

Что же касается признака *к о л и ч е с т в а*, то он вряд ли был существенным для системы гласных в X в. Он и объединял бы самые разнородные по своим фонетическим основаниям факты: «сверхкраткий–дифтонг» (⟨ь–ы⟩), «долгий–сверхкраткий» (⟨и–ь⟩), «дифтонг–долгий» (⟨ы–у⟩), «долгий–краткий» (⟨ā–а⟩) и т. д. Фонетическая разнородность оказывается не подчиненной единому фонематическому принципу, следовательно, она несущественна на фонологическом уровне.

Признак *л а б и а л и з а ц и и* уже действует в праславянской системе. Этот признак вошел в систему после монофтонгизации дифтонгов [au, eu] и появления фонемы ⟨y⟩ (ou). Это вызвало перераспределение нового признака среди других передних гласных, и уже к X в. восточные славяне имели в системе вокализма лабиализованные ⟨y, o, ȯ, ḡ⟩. Распределение гласных в начале слова показывает, что в противопоставлении по лабиализованности маркированным был лабиализованный гласный. Только он возможен в абсолютном начале слова.

Признак *п о д ъ е м а*, по-видимому, еще не сформировался окончательно. Общие соображения о характере исходной системы указывают на две степени подъема: верхние–нижние. Верхние при заимствовании в другие языки обычно передаются гласными ⟨и, у⟩, нижние — ⟨а, е⟩. В названиях букв специально по подъему маркируются ⟨и, о, у, ь⟩, для всех прочих этот признак оказывается неважным. Действительно, по происхождению верхние и нижние гласные подразделяются на две группы: долгие и краткие. Условно выделяя четыре степени подъема, свойственные русскому языку в его диалектах вплоть до XX в., мы должны оговорить две различительные степени подъема (было бы лучше называть их иначе: различием по *н а п р я ж е н н о с т и*).

Признак *р я д а* остается важным для системы вокализма X в. Прешедшие до того изменения привели к образованию гласных среднего ряда, куда вошли все нелабиализованные передние гласные. Признак

ки лабиализации и ряда уже не совмещались, как это было до монофтонгизации дифтонгов и как это случалось после утраты носовых гласных.

Для различения 12 гласных фонем необходимо и достаточно четырех различительных признаков; в позднем праславянском языке это были признаки напряженности, лабиализованности, тембра (различие по ряду) и ринезма (выделение носовых гласных).

Гласные	Передние		Непередние	
	лабиализованные	нелабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные
Верхние		⟨и⟩	⟨ы⟩	⟨у⟩
Средневерхние	⟨ѡ⟩	⟨ь⟩	⟨ѣ⟩	
Средненижние		⟨е, е⟩		⟨о, о⟩
Нижние		⟨ѣ⟩	⟨а⟩	

В этой системе ближайшие фонемы противопоставлены по одному признаку, и этот признак — количество. Мы ожидали бы позиционного совпадения ⟨е⟩ с ⟨ѣ⟩, ⟨и⟩ с ⟨ь⟩, ⟨ы⟩ с ⟨ѣ⟩, потому что противопоставление по количеству перестает быть фонемным. Действительно, новгородские рукописи XI–XII вв. дают примеры смешения букв *e* с *ъ*, *и* с *ь*, *ы* с *ѣ*, но в конечном счете никаких смешений этих гласных не произошло, потому что образовалось противопоставление гласных по четырем степеням подъема.

Одним признаком отличались друг от друга и пары фонем ⟨ь–е, ѡ–о, ѣ–ѣ, и–ы, ы–у, ы–а, ѣ–а⟩.

По двум признакам различались фонемы ⟨и–ѡ, е–ѣ, е–о, е–а, е–а, о–а, ь–о⟩. Эти оппозиции были более сильными. Что же касается оппозиций с бóльшим числом различительных признаков, то они в истории русского языка не привели к нейтрализации в слабой позиции или к взаимному совпадению этих фонем; ср. оппозиции по трем признакам: ⟨ь–о, ѣ–о, ѣ–а, е–о⟩, по четырем признакам: ⟨ѣ–о⟩ и т. д.

1.4. Распределение гласных фонем

Для последующих изменений системы важны не только количество форм и слов, в которых встречаются те или иные фонемы, не только относительная частота употребления фонем в тексте, но и характер их позиционного распределения. В вокалической системе X в. накануне утраты носовых минимальное число гласных противопоставлялось в начале слова и в положении после палатальных.

В начале слова могли употребляться только ⟨о, о, у⟩: *ѣнъ, оса, ось, жель, жда, жзы, оугъ, оутро, оуха*. Если считать, что в *ѣдъ* ‘всюду’ первый гласный передает фонему ⟨ō⟩, тогда и ⟨ō⟩ возможно в начале слова, потому что противопоставляется прочим гласным в данной (сильной для гласных фонем) позиции: *ѣдъ* — *ждъ* > ‘удочке’ — *оудъ* (часть тела), т. е. [ōd·ĕ–rd·ĕ–ud·ĕ]. На то, что это распределение объясняется всей системой вокализма, а вовсе не «происхождением» гласных, указывают соответствия древнерусскому ⟨у⟩ других индоевропейских языков: др.-рус. *оунъ* [унъ], лат. *juvenis*, лит. *jáunas*, ст.-сл. *юнь*; др.-рус. *оутро* [утро], лат. *aurora*, лит. *aušrá*, ст.-сл. *ютро*. Древнерусское ⟨у⟩ употребляется независимо от того, является ли оно исконным дифтонгом или восходит к сочетанию с начальным ⟨j⟩. Наоборот, в старо- и церковнославянских текстах находим только сочетания с начальным ⟨j⟩; поэтому в литературном языке возникли дублеты, первоначально имевшие стилистическое значение: *оужинъ* — *югъ*, *Оульяна* — *Юлия*, *оуный* — *юноша*, *оуха* — *юшка*.

Гласные ⟨а, ѣ, е, е, и, ь⟩ в начале слова получали протетический ⟨j⟩, который отстранял начальный гласный от конечного гласного предшествующего слова: др.-рус. *язъ*, ст.-сл. *азъ*, болг. *аз* (диал. *јаз*), серб. *ја*, лит. *аš*, др.-инд. *ahám*. Только союз *а* в древнерусском языке сохранялся без йотации, что связано с его синтаксической функцией, во всех остальных случаях перед начальным ⟨а⟩ обязательно возникал протетический ⟨j⟩; появлялись стилистические варианты типа *ягня* — *агньць*. То же касается и *ь*: если в двух глагольных корнях, обычно употребляемых после приставки, и не произошло еще в праславянском языке изменения *ь* после ⟨j⟩ в ⟨а⟩ (как в *јѣд-* > *јад-* > [ад-]), т. е. возможно было употребление форм *ьхати*, *ьсти* наряду с *ясти*, то в ранних рукописях и они обязательно пишутся с йотированным *ь* (ср.: *јьсти*, *јьхати* в И 73).

Йотация начальных ⟨ѣ, и, ь⟩ в древнерусском языке совпадала со старославянскими словами, т. е. давала примеры типа *языкъ*, *иго* ([jъго], ср.: лат. *jugum*) и т. д.

Все древнерусские рукописи XI–XII вв. последовательно различали два типа ⟨е⟩ в начале слова: всегда с начальным *к* писались падежные формы местоимений *и*, *иже* (*кго*, *кмоу* и др.), личные формы глагола *къмь* и *кълю*, а также слова *къгда*, *къдинъ*, *къже*, *кълико*, *къстьство*; с начальным *е* писались только заимствованные из греческого языка слова (типа *егунтъ*) и ряд славянских слов: *еда*, *едьва*, *езеро*, *еи*, *елень*, *ели*, *есе*, *етерьъ*, *еще* ‘да’). Очень редко у некоторых писцов наблюдается предпочтение одного знака — либо только *к* (второй почерк И 73 и первый почерк АЕ 1092), либо только *е* (первые почерки М 95 и М 97). Последние явно ориентируются на орфографическую систему южнославянских оригиналов, потому что из старославянских

памятников только один более или менее последовательно различает *к* и *с*. Из этого можно заключить, что противопоставление *к*–*с* связано с какими-то особенностями в произношении начального ⟨е⟩.

Действительно, первая группа примеров включает в себя слова с обычным сочетанием ⟨j + e⟩: др.-рус. *късмь*, ср.: чеш.: *jset*, серб. *ĵesam*. Во второй группе — преимущественно слова, которые в древнерусском языке, как и в современных восточнославянских языках, произносились не с ⟨е⟩, а с начальным ⟨о⟩: рус. *озеро*, ст.-сл. *ezero*, польск. *jezioro*, болг. *езеро*, серб. *језеро*, др.-прус. *assarān*, лит. *ežeras*; рус. *осень*, ст.-сл. *есень*, польск. *jesień*, болг. *есен*, серб. *јесен*, др.-прус. *asanis*; рус. *осетръ*, ст.-сл. *есетръ*, польск. *jesiotr*, серб. *јесетра*, лит. *ašétras*.

Расхождение между рус. *озеро* и ст.-сл. *езеро* объясняли различным образом, но единственно достоверное соответствие показывает, что начальное ⟨о⟩ во всех словах второй группы (*озеро*, *осень* и т. д.) восходит к индоевропейскому ⟨ā⟩ и, следовательно, ⟨о⟩ (⟨ā⟩) представляет собой исконный гласный в этих словах. Во всех диалектах праславянского языка (кроме восточнославянских) произошла межслоговая ассимиляция гласного ⟨ā > e⟩, но фонетический характер этого гласного неизвестен. С одной стороны, на основании болгарского ⟨е⟩ предполагают лабиализованное [e] (Н. Н. Дурново), с другой стороны, прочие славянские языки указывают на наличие йотовой протезы перед этим «новым» ⟨е⟩. В словах типа *ежь*, *ель*, *есть* начальное ⟨е⟩ восходит к индоевропейскому ⟨e⟩ (ср.: лит. *ežys*, *ėglė*, *ėsti* с теми же значениями слов), и естественно, что в древнерусском языке перед этим начальным ⟨е⟩ развивался протетический ⟨j⟩.

Таким образом, древнерусские формы типа *озеро* могли конкурировать со старославянскими типа *езеро* в текстах на том же основании, что и *оунь* — *юнь* или *агна* — *агньць* (ср.: *единый* — *одиной* и наречие *одиною* — *единою* в И 76). Однако и в церковнославянских рукописях произношение по возможности передавалось соответствующими написаниями с *e*, а не с русским *o* в начале слова.

Как и в других случаях, вспомогательная лексика сохранила до нашего времени некоторые отклонения от общей фонетической закономерности; ср.: *это* из ⟨e + то⟩, где предполагают фрикативную протезу перед начальным ⟨е⟩, т. е. *he*. Впрочем, еще и до XVIII в. обычным было написание *ето*.

Гласные ⟨ъ, ы⟩ в начале слова получили протетическое ⟨u⟩: рус. *выдра*, серб. *вѣдра*, чеш. *vudra*, лит. *ūdra*, др.-инд. *udrāh*, греч. *ἄδρα* ‘гидра, водяной змей’; рус. *высок*, серб. *висок*, болг. *висок*, чеш. *vysoký*, греч. *ἄψι*, др.-в.-нем. *īf* ‘высокий’; рус. *воплъ*, *вопиту* (др.-рус. *въплъ*, ср.: *возопити* < *възьпиту* с корневыми *ъп* (**ŷp*), др.-перс. *ufeyiti* ‘он издает звук’); другие славянские языки либо не сохранили этого слова, либо по законам собственной фонетики изменили начальное сочетание с гласным: серб. *упити* (краткое ⟨y⟩ из исходного сочетания *въ-*). Таким

образом, еще в праславянском языке утрачивавшие лабиализованность ⟨ū, ū⟩ выделяли перед собой полугласный звук [ɥ], который после образования губно-зубного ⟨v < ɥ⟩ стал осознаваться как ⟨v⟩.

Приведенные выше изменения объясняют следующие образы. Согласно закону открытого слога, все слова должны были кончатся гласным, но если следующее слово начиналось с гласного же, образовывались зияния, неприемлемые для славянского произношения: оно не допускало двух гласных подряд. Так возникли вставочные согласные призвуки, первоначально, видимо, неопределенные по качеству ([j, ɥ, h]), но после фонологизации фонетически сходных с этими призвуками полугласных ([j, v]) они стали восприниматься как формы с начальным согласным. Следовательно, все подобные сочетания в начале слога возникли синтагматически на основе закона открытого слога.

Таким образом, для фонетической системы древнерусского языка характерны:

- нулевая протеза перед лабиализованными гласными ⟨y, o, o, ò⟩;
- йотовая протеза перед нелабиализованными ⟨a, e, ě, e, i⟩, тогда как ⟨ъ, ь, ы⟩ в начале слова недопустимы, потому что во всех случаях они либо меняют свое качество (⟨jъ > i⟩), то же касается и (⟨ě⟩), либо не вступают в свободное чередование с ⟨ъ, ы⟩ в заимствованных словах (ни в греческих, ни в старославянских заимствованиях также не было слов с начальными ⟨ъ, ы⟩). Этим подтверждается функциональная слабость фонем ⟨ъ, ь, ы⟩; они невозможны в абсолютно сильной позиции начала слога, где их качество не определялось бы качеством предшествующего согласного.

Отсутствие протетического согласного перед лабиализованным гласным доказывает важность признака лабиализованности. В древнерусском языке йотовая протеза противопоставлена нулевой протезе (≠) перед лабиализованным гласным. Поскольку ⟨j⟩ противопоставлен фонематическому нулю, он и сам представляет собой фонологически несущественную единицу. В фонетическом контексте ⟨j⟩ служит для обозначения гласных переднего ряда. Поэтому и в середине слова после исконно мягких согласных еще в праславянском языке произошло смещение гласных по ряду:

⟨*jē > jā⟩ — ср.: др.-рус. *ядь* < *ēd, *чась* < *č̣ēs;

⟨*jā > 'ā⟩ — ср.: др.-рус. *морк*, лит. *mārios*;

⟨*jū > 'i⟩ — ср.: др.-рус. *шуми*, лит. *siūti*;

⟨*ju > 'i⟩ — ср.: др.-рус. *уго*, лат. *jugum* (⟨*jūg > jьg⟩).

Последние три изменения отражают также делабиализацию гласных в положении после палатального: в соответствии с законом слогового сингармонизма признаки лабиальности и палатальности в

пределах одного слога были недопустимы. Это подтверждает синтагматический характер взаимного отталкивания признаков ряда и лабиализованности у гласных.

Особенно велика была позиционная дробность у носовых и редуцированных гласных. Даже если не принимать во внимание просодических различий между разными типами ⟨ъ, ь, ъ, ѣ, ѥ⟩, окажется, что эти гласные вступали в различные комбинаторные и позиционные отношения с другими фонемами и по-разному вели себя в составе словоформы и морфемы.

Можно следующим образом представить фонетическое распределение редуцированных в древнерусском языке:

Фонемы		Позиционные варианты	
		сильная позиция	слабая позиция
Комбинаторные варианты	свободные ⟨ъ, ь⟩	[t _ъ (ть)] — <i>сънь</i> [t _ь (ть)] — <i>дьнь</i>	[(ть) ть] — <i>дьнь</i> [t _ъ t _ь t _ъ] — <i>дьньсь</i> [t _ъ ta] — <i>дьня</i>
	⟨ъ, ь⟩ перед ⟨г, л⟩	[t _ъ t _ъ] — <i>дьрнь</i> [t _ъ g _ъ t _ъ] — <i>одьрънь</i>	[t _ъ ra] — <i>дьрати</i>
	⟨ъ, ь⟩ после ⟨г, л⟩	[tr _ъ t _ъ] — <i>кръвь</i>	[tr _ъ ta] — <i>кръве</i>
	⟨ъ, ь⟩ перед ⟨ј⟩	[tat _ъ j _ъ] — <i>добрыи, костии</i>	[tat _ъ ja] — <i>п.жтик, костик</i>
	⟨ъ⟩ после ⟨ј⟩	[j _ъ t _ъ ta] — <i>игла</i> [j _ъ g _ъ la]	[j _ъ ta] — <i>искра</i> [j _ъ skra], <i>имамъ</i> [j _ъ mat _ъ]

Сильная позиция определяется положением редуцированного перед слабыми ⟨ъ, ь⟩, слабая — положением перед сильными ⟨ъ, ь⟩, которые в этой позиции функционально равны гласному полного образования. Иногда говорят о том, что сильной позицией являлось также положение ⟨ъ, ь⟩ под ударением независимо от гласного, который стоял за подударными ⟨ъ, ь⟩. Это не совсем верно, так как подударные ⟨ъ, ь⟩ обычно совпадают с сильной позицией редуцированного, следовательно, признак подударности является сопутствующим; ср.: [д_ънь], [д_ъньсь], [кр_ъвь], [с_ънь], но [д_ъня], [кр_ъвѣ]. Примеры, которые приводят в доказательство того, что под ударением находились сильные ⟨ъ, ь⟩, не показательны, поскольку современное ударение в словоформе не соответствует праславянскому (*дѣску*, но др.-рус. *дѣскѹ*). Счет слабых позиций с конечного слога к начальному объясняется последовательными оттяжками ударения с конечного слога на предшествующие слоги. Просодическая характеристика редуцированных важна сама по себе, и ее не следует смешивать с позиционным распределением этих гласных.